

ТАНКИ,
ВПЕРЕД!

ТАНКИ В БОЮ

ТАНКИСТ НА «ИНОМАРКЕ»

ДМИТРИЙ ЛОЗА

За Родину! За Сталина!

Дмитрий Лоза

Танкист на «иномарке»

«Яуза»

Лоза Д. Ф.

Танкист на «иномарке» / Д. Ф. Лоза — «Яуза»,

ISBN 978-5-699-41890-9

«В годы войны союзники по антигитлеровской коалиции поставляли в Советский Союз по ленд-лизу различную боевую и транспортную технику. Я один из тех, кому судьба предназначала стать танкистом-„иномарочником“ – воевать почти два года против немцев, а затем и японцев на английских „Матильдах“ и американских танках „Шерман“ М4А2, которые экипажи ласково звали „Эмча“ (по двум первым знакам буквенно-цифрового обозначения)». Автор этой книги, Герой Советского Союза Д.Ф. Лоза, в составе 9-го Гвардейского танкового корпуса прошел тысячи километров по дорогам войны, участвовал в Корсунь-Шевченковской, Яссо-Кишиневской, Будапештской, Венской и Пражской наступательных операциях. Четыре танка, на которых он воевал, сгорели, два были серьезно повреждены, но Дмитрий Федорович остался жив и в августе 45-го, преодолев пески Гоби и горы Хингана, принял участие еще и в разгроме Квантунской армии.

ISBN 978-5-699-41890-9

© Лоза Д. Ф.

© Яуза

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Расплата через годы	6
В «яблочко»	11
Дорогие боевые ордена	13
Нелегкие испытания	14
«Охота с борзыми»	17
«Психическая» атака	19
Огонь по... своим	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дмитрий Лоза

Танкист на «иномарке»

От автора

В годы войны союзники по антигитлеровской коалиции поставляли в Советский Союз по ленд-лизу различную боевую и транспортную технику. Я один из тех, кому судьба предназначала стать танкистом-«иномарочником» – воевать почти два года против немцев, а затем и японцев сначала на английских «Матильдах», а затем на американских танках «Шерман» М4А2, который экипажами был ласково назван «Эмча» (по двум первым знакам буквенно-цифрового обозначения). Именно этими танками, начиная с конца 1943 года, укомплектовывались бригады 5-го (с октября сорок четвертого года – 9-го гвардейского) механизированного корпуса, который участвовал в Корсунь-Шевченковской, Яссо-Кишиневской, Будапештской, Венской и Пражской наступательных операциях, а в августе-сентябре сорок пятого года в составе войск Забайкальского фронта корпус громил Квантунскую армию на китайской земле.

Часть первая На западе

Расплата через годы

Начну я свой рассказ с послевоенной зимы сорок седьмого года. Шел второй холодный период моей службы на 74-м разъезде Забайкальской железной дороги. Я уже подал рапорт на поступление в Военную академию имени М.В. Фрунзе и ждал вызова на вступительные экзамены.

В один из февральских дней неожиданно раздался телефонный звонок начальника службы «Смерш» нашей 46-й танковой бригады гвардии капитана Ивана Решняка, бывшего, как и я, ветераном части, воевавшим на Западе и Дальнем Востоке. Надо отметить, что этот карающий орган возглавлял замечательный человек, отзывчивый товарищ, с которым можно было решить любой вопрос. Его по-настоящему уважали, а не боялись танкисты всех рангов.

– Дмитрий, зайди, пожалуйста, ко мне!

Иду и думаю: «Зачем я ему понадобился? Может, что-то связано с рапортом на учебу?...»

Встретил меня с улыбкой, крепко пожал руку и сразу перешел к делу:

– Ты, Дмитрий, помнишь, у тебя в сорок третьем году в роте был командиром танкового взвода старший лейтенант Сергей Орлов?

Его вопрос меня очень удивил.

– А откуда тебе, Иван, об этом известно? И почему ты интересуешься этой личностью?

– А он совсем недавно объявился. Живет на Украине. Вот послушай, какая информация по нашим каналам пришла в бригаду. Просят тебя подтвердить рассказ Орлова...

В конце сорок шестого года старший лейтенант Орлов пришел в местный военкомат, предъявил удостоверение личности военного образца, которое ему удалось сохранить в немецких лагерях, и поведал следующее:

«Во время боев под городом Рославль Смоленской области в сентябре сорок третьего я был командиром танкового взвода первой роты, командовал которой Дмитрий Лоза – командир первого батальона 233-й танковой бригады механизированного корпуса. Мой английский танк „Матильда“ был подбит. Экипаж погиб, а я сам, тяжело раненный, попал в плен.

Я находился в нескольких фашистских концлагерях. В марте сорок четвертого года я с группой, состоящей из семи военнопленных, совершил побег. Нас преследовали. Четыре человека погибли, но троим удалось уйти. Оставшихся в живых я провел через линию фронта и остался жить на Украине, а два моих сокамерника уехали домой. Адреса имеются.

В связи с тем, что у меня после тяжелого ранения нога не сгибается, в армию меня больше не призывали».

На вопрос: «Почему он – офицер – почти два года молчал, не являлся в военкомат, чтобы рассказать все это?» – старший лейтенант ответил: «Я плохо себя чувствовал, не думал, что долго проживу. Очень беспокоила рана. Больше скрывать свое прошлое нет сил. Пришел рассказать всю правду о себе. Вам решать мою дальнейшую судьбу!...»

Д. Ф. Лоза, 1947 г.

Я слушал исповедь Орлова, а на душе кипело. Говоря о своих «бедах», бывший мой сослуживец надеялся, что после многолетней кровавой войны не осталось в живых ни одного свидетеля – офицера или сержанта – танкистов «первой огневой линии». Разве могли они уцелеть в такой сече на танках «Матильда»? И эта уверенность его крепко подвела. Остались свидетели. Мы знали всю правду тех боев под Рославлем. И как вел себя в них бывший командир взвода...

– Что ты скажешь, Дмитрий, на услышанное?

– Вот мудака! Вот сволочь – какую побасенку придумал! – еле выдавил я из себя.

– Что так? Чем он тебя обидел?

– В этой басне одно верно: место и время боев, номер части и подразделения, в которой он тогда воевал. Да и мое звание, фамилию и имя, сука, не забыл. Все остальное – сплошное вранье...

Наша 233-я танковая бригада 17 сентября была введена в бой на правом берегу реки Десна. Наступление на Рославль развивалось медленно. Во-первых, противник сопротивлялся

отчаянно, а во-вторых, танки «Матильда» для действий в лесисто-болотистой местности оказались абсолютно непригодными. Эти машины предназначались для использования в пустынях Африки. Какая «умная голова» в Москве решила их сюда направить – осталось загадкой. Дело в том, что у названного английского танка ходовая часть полностью закрыта фальшбортом с рядом «окошек» небольшого размера в его верхней части. В пустыне через последние с траков свободно сыпался песок. В смоленских лесах и болотах за фальшборты набивалась грязь и корни деревьев. Гусеницу практически заклинивало. Даже мотор глох. Приходилось через каждые 4–5 километров останавливаться и очищать ходовую часть ломом и лопатой.

Разгрузка английских танков «Матильда» в порту г. Архангельска. Февраль 1942 г.

Так вот 18 сентября во второй половине дня мы подошли к деревне Гобики, что в 37 км восточнее Рославля. Десантники при поддержке танков моей роты овладели частью Гоби-ков, но вторая половина деревни, расположенная на взгорье, оставалась в руках гитлеровцев. Наличными силами выбить их оттуда не удалось...

Во время атаки по низине в одном из огородов танк Орлова засел, да так, что самостоятельно выбраться уже не смог. При попытке подать ему буксирный трос эвакуационная группа была накрыта минометным огнем. Ранило двоих. Пришлось оставить эти попытки до наступления темноты, когда должны были подойти подкрепления из других подразделений бригады...

Я приказал Орлову занять круговую оборону вокруг «Матильды», поддерживать со мной непрерывную радиосвязь и ждать прихода ночи. О том, что все им было в точности выполнено, доложил радист сержант Павел Нижник, дежуривший у радиостанции...

В сумерках подготовили длинный буксир, состоящий из нескольких соединенных танковых тросов, которым намеревались вытащить «Матильду» Орлова. Однако, пока мы были заняты подготовкой к операции, в районе застрявшего танка поднялась стрельба. Пулемет «Брен» зашелся необычно длинными очередями. Пальба как внезапно вспыхнула, так и прекратилась.

Я приказал своему радисту вызвать экипаж Орлова и узнать, что там случилось, по какому поводу шла такая стрельба? Но на вызов Нижник не отвечал, однако буквально через несколько минут он сам вышел на связь и доложил о таком, после чего у меня волосы встали дыбом:

– Командир убежал к немцам!

Эту фразу он повторил несколько раз... Я немедленно доложил о случившемся командиру батальона, хотя прекрасно осознавал, чем это ЧП грозит мне, командиру роты... Ночью «Матильду» командира взвода вытащили из грязи. Контрразведчик батальона тут же арестовал ее экипаж. Началось расследование, в ходе которого стало известно следующее.

После получения приказа командира роты на организацию непосредственной охраны засевшего танка был снят спаренный с пушкой пулемет «Брен» (последний вне машины ставился на сошки, превращаясь в удобный ручной пулемет). Орлов и командир орудия младший сержант Яков Стройнов выдвинулись на несколько метров в сторону противника. «И за бугорком заняли огневую позицию. Механику-водителю, вооруженному автоматом, командир взвода приказал находиться у кормовой части танка. Секторы наблюдения и обстрела: правый и левый борта „Матильды“. Сержант Нижник, как сказано выше, дежурил у радиостанции, находясь в башне...

После Стройнов рассказывал:

– Когда мы установили на позиции пулемет, старший лейтенант приказал мне сползать по-пластунски к машине и принести еще два магазина. Мол, нашей пары может не хватить, если завяжется тяжелый бой. Я отправился выполнять приказание... Добрался до танка, попросил Нижника подать мне два диска. Принял их. Повернулся лицом к пулеметной позиции, чтобы лечь на землю и ползти к «Брену». В сгустившихся сумерках я увидел, как командир с поднятыми руками бежал к немецким окопам. Я швырнул на траву оба магазина и помчался к пулемету. С разбегу упал возле него. Хотел передернуть затвор, чтобы открыть огонь, но его на месте не оказалось – он валялся на лугу чуть поодаль. Схватил. Поставил на место и, когда взводный уже подбегал к вражеским окопам, хлестанул длиннющей очередью – попал. Орлов завалился в окопы к немцам. В нервном возбуждении продолжал нажимать на спусковой крючок, пока не кончились боеприпасы...

Экипаж был снят с танка и расформирован. Ему вменялось в вину то, что он не предотвратил побег командира. А что они могли сделать? Подлец, все предусмотрел, расставил своих подчиненных так, что они не видели начала его действий...

Иван Решняк слушал меня внимательно, не перебивая. Когда я закончил, спросил:

– Так, Дмитрий, ты не знаешь дальнейшую судьбу экипажа Орлова? Хорошо бы еще одного свидетеля найти!

Моя улыбка немного разозлила капитана.

– Чего усмехаешься?! Дело серьезное. Решается судьба человека!

– Не вопрос! Павел Нижник – радист экипажа Орлова – все еще служит старшим писарем штаба батальона.

– Зови его сюда!

Через считанные минуты старший сержант Нижник входил в кабинет контрразведчика бригады. Капитан коротко ознакомил его с документом, прочитанным ранее мне, и попросил рассказать о том, как старший лейтенант Орлов сдался врагу...

В наших монологах больших расхождений не оказалось. Решняк был доволен и попросил нас через дватри дня принести ему письменное изложение событий 18 сентября сорок третьего года, что мы и сделали...

Где-то через месяца полтора Иван Григорьевич звонит мне:

– Дмитрий, бери Нижника и приходите ко мне. Есть интересная информация об Орлове.

Вот что нам стало известно из новых материалов, присланных бригадному контрразведчику... Когда Орлову прочитали и показали наши свидетельства, он побледнел. Несколько минут не мог говорить. Понял – он разоблачен. Нашлись-таки очевидцы тех событий. Надеяться ему было больше не на что, и он не стал скрывать свою «биографию»...

В середине сорок второго года попал в плен, был завербован и прошел необходимую подготовку в разведывательном центре под Берлином. В конце этого же года через Иран был заброшен в Советский Союз. Прибыл в город Горький с документами из госпиталя, где и попал в нашу 233-ю танковую бригаду.

После сдачи в плен 18 сентября сорок третьего года находился на излечении в немецком госпитале – Стройнов перебил ему правую ногу... После окончания лечения почти восемь месяцев проходил подготовку в разведцентре, готовившем разведчиков для работы в послевоенное время. Затем немцы поместили Орлова в концлагерь, организовали ему с группой пленных побег. В ходе преследования беглецов часть из них была уничтожена, а троих оставили в живых, как свидетелей «отважного» поступка офицера-танкиста, который не только сам вырвался из фашистских застенков, но и помог это сделать нескольким соотечественникам...

Орлову предписывалось: устроиться на жилье, где он пожелает (как известно, он поселился на Украине); ударно трудиться; после окончания войны явиться в военкомат, где рассказать о пленении вследствие тяжелого ранения. Пройдя проверку, требовалось продолжать честно и усердно работать. На начало ведения разведки и ее характер должна была поступить соответствующая команда...

В «яблочко»

Наступление на Рославль продолжалось. Побег старшего лейтенанта Сергея Орлова к немцам камнем лежал на душе – я все время ждал вызова в «Смерш». Однако контрразведчики продолжали разбираться с экипажем, а до меня очередь пока не дошла. А может, непрерывные бои не позволяли вызвать командира роты?...

22 сентября. Медленно продвигаемся, ведя бои за каждую деревню. И вот, выбив противника из очередного опорного пункта, моя танковая рота преследует вражескую пехоту, откатывающуюся на север по проселочной дороге через небольшое картофельное поле. Гусеницы «Матильды» с трудом проворачиваются, и мы движемся со скоростью пешеходов – надо уже останавливаться и очищать ходовую часть от грязи. Ко всему прочему то ли по чьему-то злому умыслу, то ли по недосмотру снабженцев к 40-мм пушкам «Матильды» подвезли только броньбойные снаряды – «болванки». Осколочных снарядов в боекомплекте не оказалось. То есть танк мог успешно вести борьбу с бронированными целями и с пехотой пулеметом на действительную дальность его стрельбы. Однако расстояние между «Матильдами» и неприятелем возросло до 800–900 метров, что делало его огонь малоэффективным.

Колонна танков «Матильда» и «Валентайн» 192 тбр выдвигается для атаки. 61-я армия, Западный фронт, август 1942 г.

Группа из десятка гитлеровцев вышагивала по полю левее дороги. Видя, что мы не стреляем, два верзилы из этой группы остановились и, спустив штаны, начали показывать нам свои задницы. Дескать – на, выкуси! Немец – в коломенскую версту ростом – даже ухитрился, наклонившись, просовывать голову между расставленных ног и довольно, с захлебом, ржать...

На Украине, откуда я родом, такой «показ» является оскорблением самой высокой степени. Может, они просто обнаглели и уверовали в свою безнаказанность, а может, от Орлова знали, что я украинец, и решили «достать» до печенок? Не знаю...

Мой командир орудия сержант Юрий Слобода неоднократно просил меня:
– Ротный, разреши, я им засажу!

Я его успокаивал:

– Не будешь же ты по каждой жопе бить бронебойным, да и осталось их 15–17 штук. А когда подвезут пополнение боеприпасов – неизвестно. Наберись терпения...

Ободренные безнаказанностью, «артисты» вошли в раж. Какие только «коленца» они не выдавали! И задом, и передом... Терпение мое наконец лопнуло:

– Юра, бей!

При очередном «спектакле» немцев, в котором участвовали уже трое «артистов», Слобода командовал механику-водителю:

– Короткая!

На секунды «Матильда» застыла на месте. Юрий схватил в перекрестье прицела самого высокого фашиста с достаточно объемной «хлебницей». Бронебойный снаряд попал точно в «яблочко», разорвав «актера» в клочья. Бесформенные куски его тела разлетелись в разные стороны. Оставшиеся в живых фрицы кинулись врассыпную... Как они смогли, улепетывая, подобрать штаны? Удивительно!

...Гнали мы неприятеля до наступления темноты. Бежал он прытко и больше «показов» не устраивал.

На следующий день, когда до Рославля оставалось рукой подать, сопротивление противника резко возросло. Видать, успел подтянуть резервы... В полдень мой танк был подбит, а я – тяжело ранен и отправлен в госпиталь, откуда вернулся в свою бригаду только через три месяца.

Находясь на излечении, нередко думал: «Слава богу, ранили! А то не избежать бы мне неприятного разговора, а возможно, и наказания за ЧП в роте – побег Орлова. А так командование корпуса за бои на Смоленщине наградило меня орденом Отечественной войны 2-й степени». Трудной была моя первая боевая награда!

Дорогие боевые ордена

Коль уж речь зашла о наградах, расскажу, как награждали в нашей бригаде. Порядок представления отличившегося в бою к награждению был следующий: в штабе батальона составлялся наградной материал, в котором кратко описывался подвиг представляемого к награде, что он конкретно совершил (сколько врагов уничтожил, какое количество огневых средств противника подавил и т. д. Надо сказать, что цифры немецких потерь, кроме количества подбитых танков, частенько брались, что называется, «с потолка») и награждения каким орденом достоин. К примеру, меня представили к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени, право на награждение которым имел командир корпуса. Подписанный комбатом наградной лист поступал к командиру бригады, который писал заключение: «Достоин награждения орденом Отечественной войны 2-й степени», подписывал и ставил печать части. Далее материал направлялся в штаб корпуса, где готовили приказ по корпусу о награждении отличившихся танкистов, артиллеристов, пехотинцев в недавних боях. Надо сказать, что эта процедура проходила очень быстро – война есть война. Сегодня фронтовик жив, а завтра он может быть в госпитале или в земле сырой. Было немало примеров, когда тот или иной командир (командующий) сразу награждал особо отличившихся воинов, прямо на поле боя, а соответствующие документы оформлялись позже. У нас – в танковых войсках – известие о таком срочном награждении военачальник передавал посредством радиосвязи, так что все подчиненные узнавали об этом сразу. После подписания приказа о награждении командиром корпуса готовились выписки из него, для каждой части подбирались соответствующие награды и передавались в подчиненные штабы...

Орден награжденному вручался в торжественной обстановке: в перерыве между боями, на отдыхе части или в районе сосредоточения. Одним словом, там, где была возможность выкроить час-два. Раненым – в лечебных учреждениях.

И, конечно, награда «обмывалась». К положенным «наркомовским» ста граммам командир батальона обязательно добавлял из своего резерва. У нас в батальоне существовал неписаный ритуал «обмывания»: командир батальона опускал орден в стакан, наливал водки. Награжденный выпивал содержимое стакана и забирал свою награду. Только после этого «освящения» он имел полное право прикреплять ее на гимнастерку.

Нелегкие испытания

Осенью 1943 года после тяжелых летних боев части нашего 5-го механизированного корпуса находились на переформировании в лесах севернее и западнее города Наро-Фоминска. К этому времени вместо английских «Матильд» на вооружение корпуса были поставлены американские танки М4А2 «Шерман». Семь часов в сутки на отдых, остальное время было занято изучением техники, стрельбами на полигоне, тактическими учениями в поле. Для ускорения освоения техники в нашей 233-й бригаде было разрешено в каждом танковом батальоне силами экипажей почти полностью разбирать один «Шерман». Изучалось устройство и действие того или иного прибора, агрегата, пушечно-пулеметного вооружения. Имелась полная возможность, как говорится, руками пощупать «живой» механизм. На такую учебу затрачивалось 10 дней, после чего теми же силами танк собирался. Заместитель командира батальона по технической части вместе с механиком-регулирующим проверяли на ходу его исправность, оружейники – действия пушки и пулеметов. Приходила новая группа обучаемых и по такой же методике штудировала «американца». Только в начале октября, когда централизованно были выпущены подробные плакаты по устройству и работе всех агрегатов и вооружения «Шермана», издан хороший учебник, от этого метода обучения отказались...

15 ноября наша учеба была прервана. Поступил приказ: за ночь подразделениям 233-й бригады погрузиться в эшелон на станции Наро-Фоминск. И в дорогу. Куда? Знало только высокое начальство... С наступлением утра два первых эшелона бригады тронулись в путь. Поезд останавливался только для смены паровозной бригады и приема пищи танкистами. К середине дня 16 ноября из названий, мелькавших мимо вагонов станций, стало ясно, что идем на Киев.

Мы, фронтовики, понимали, что коли танки перебрасываются по железной дороге днем с такой поспешностью – значит, где-то на передовой дела плохи... Действительно, как потом выяснилось, в конце ноября – начале декабря гитлеровское командование из района южнее Белой Церкви нанесло мощный удар в северном направлении с целью ликвидировать плацдарм советских войск на западном берегу Днепра. Стрелковые части, поспешно занявшие оборону, не выдержали вражеского натиска. Нависла реальная угроза захвата фашистами Белой Церкви, выхода их на ближние подступы к Киеву...

Через сутки Киев остался позади. Стало известно, что бригада будет разгружаться в Фастове... И вдруг головной эшелон останавливается в чистом поле. Офицеры связи штаба 1-го Украинского фронта вручили подполковнику Николаю Чернушевичу письменное распоряжение и карту с нанесенной боевой задачей: немедленно разгрузиться и, совершив марш, занять оборону севернее города Фастов.

Легко сказать: «Разгрузиться!» А как это сделать, когда рядом с насыпью железной дороги нет разгрузочной площадки? К тому же «Шерманам» нужна для разворота значительная площадь, поскольку механизм поворота танка был основан на использовании двойного дифференциала, не позволявшего развернуть танк на небольшом «пятачке», скажем, на 90° или 180°, как это могла делать «тридцатьчетверка». А где взять свободное пространство на железнодорожной платформе?... Представители штаба фронта торопили с разгрузкой. Обстановка на передовой требовала срочного ввода свежих резервов...

Командир бригады собрал совещание. Ознакомил с содержанием полученного приказа. Просил офицеров батальона высказать свои соображения по вопросу разгрузки. Командир первого батальона капитан Николай Маслюков доложил, что механик-регулирующий старшина Григорий Нестеров в подобной ситуации разгружал танки и согласен показать механикам-водителям и командирам танков, как надо «прыгать с платформы».

На руках откатали хвостовую платформу на несколько метров назад, остановив ее в точке, где от края платформы до земли было не более метра, и открыли борта. Заработал мотор «Эмча». Танк двинулся вперед, остановился, потом под небольшим углом к платформе – назад. Казалось, что бронированная громадина вот-вот сорвется вниз, но тормоза в самый последний миг намертво застопорили машину. Опять вперед и назад под все более увеличивающимся углом к платформе. Прошло не менее получаса, прежде чем «Шерман» наконец стал поперек платформы и медленно двинулся вперед. Его носовая часть на секунду повисла в воздухе, а затем – стремительный «клевок». Треск досок настила, скрежет металла бортов платформы. Удар гусениц о землю. Щебенка железнодорожной насыпи, комья чернозема разлетелись в разные стороны. Моторы взревели, и «Шерман», выскочив на ровную площадку в 15 метрах от рельс, застыл на месте. Из люка механика-водителя показалась голова Григория Нестерова. Довольная улыбка на облитом потом лице. В исправности гусеницы, невредим старшина. Показ закончился с отличным результатом.

Подполковник Чернушевич, наблюдавший эту «разгрузку», одобрительно произнес: «Цирк-а-ач! Настоящий виртуоз!»

Вскоре эшелон рассыпался по перегону. Экипажи искали удобные «трамплины» для прыжка с платформы. Над степью поплыл мощный гул моторов, треск ломаемых досок, разноголосый звон металла. «Десантирование» танков пошло полным ходом. Неслись радостные возгласы: значит, «Шерман» удачно «ступил» на землю, и печальные: «Завалился!» Две машины лежали на боку. Некоторые механики-водители гладили полученные ими «шишки». Танкисты-неудачники сустились возле своих «отдыхающих» «Эмча». Быстро подошли сошедшие с платформы танки, зацепили «лежебок» буксирными тросами и поставили на гусеницы. Заместитель командира батальона по технической части старший лейтенант Александр Дубицкий и механики-водители проверили в них все агрегаты в моторном и боевом отделениях. Поломок не было. Механизмы «Шерманов» выдержали проверку резким динамическим ударом. Фирмы «Фишер-Боди», «Бьюик», «Форд» и «Крайслер» сработали на совесть!

Через два часа батальоны бригады были готовы к движению. На путях сиротливо стояли изуродованные платформы, которые после нашей экстренной разгрузки ждали доменные печи.

Украинская осень сорок третьего года встретила нас дождем и мокрым снегом. Ночью дороги, покрываясь крепкой ледяной коркой, превращались в каток. Каждый километр пути требовал затраты немалых сил механиков-водителей. Дело в том, что траки гусеницы «Шермана» были обрешеченные, что увеличивало срок их эксплуатации, а также снижало шум двигателя. Лязг гусениц, столь характерный демаскирующий признак «тридцатьчетверки», был практически не слышен. Однако в сложных дорожно-ледовых условиях эти гусеницы «Шермана» стали его существенным недостатком, не обеспечивая надежной сцепки траков с полотном дороги. Танки оказались поставленными на «лыжи».

В голове колонны двигался первый батальон. И хотя обстановка требовала поторапливаться, скорость движения резко упала. Стоило механику-водителю чуть нажать на газ – и танк становился трудноуправляемым, сползал в кювет, а то и становился поперек дороги. В ходе этого марша мы на практике убедились, что беда в одиночку не ходит. Вскоре выяснилось, что «Шермана» не только «легкоскользкие», но и «быстроопрокидывающиеся». Один из танков, заскользив на обледенелой дороге, ткнулся внешней стороной гусеницы в небольшой бугорок на обочине и мгновенно завалился на бок. Колонна встала. Подойдя к танку, шутник Николай Богданов изрек горькое: «Сия судьба-злыдня отныне спутник наш!..»

Командиры машин и механики-водители, видя такое дело, начали «ошпоривать» гусеницу, накручивая на внешние края траков проволоку, вставляя в отверстия движителя болты. Результат не замедлил сказаться. Маршевая скорость резко увеличилась. Переход закончили без приключений... В трех километрах севернее Фастова бригада оседлала шоссе, идущее на Бышев.

Прошли сутки, за которые обстановка на киевском направлении нормализовалась. Войска, обороняющиеся впереди, остановили наступление противника...

Ремонтные подразделения бригады и батальонов в спешном порядке (в любой момент может последовать приказ на совершение нового марша) начали наварку шпор на гусеницы. Со всеми командирами танков, механиками-водителями и их помощниками была проведена разъяснительная работа о причинах неустойчивости «Эмча», которых было три: значительная высота танка (3140 мм), его небольшая ширина (2640 мм), высоко расположенный центр тяжести. Такое невыгодное соотношение тесно взаимосвязанных характеристик и сделало «Шерман» довольно валким. Подобного с «Т-34» никогда не случалось, поскольку он был ниже американского танка на 440 мм и шире на 360 мм.

Надо сказать, что при штабе 5-го механизированного корпуса находился представитель фирмы – изготовителя танков. Он скрупулезно собирал и учитывал все выявленные в ходе эксплуатации недостатки «Эмча» и по своим каналам сообщал о них руководству фирмы. Память не сохранила его фамилию, помню только, что мы все звали его Миша. На встречах однополчан частенько вспоминаем, как Миша, увидев механика-водителя, пытавшегося ключом или отверткой что-то подкручивать, к примеру, в моторном отделении, строго выговаривал: «Здеси заводски пломбы – ковыряти нельзя!» Да и не нужно там «ковыряти» – в пределах нормативного ресурса машины работали как прекрасный хронометр.

Миша был сильно огорчен тем, что «Шермана» в движении так плохо себя вели. Он не мог спокойно смотреть на «операцию» по улучшению ходовых качеств «дитяти» его фирмы, и уже где-то в феврале сорок четвертого года к нам в бригаду прибыли новые танки, в запасном комплекте инструментов, электролампочек и предохранителей которых находилось 14 запасных траков, «ошпоренных» в заводских условиях.

«Охота с борзыми»

Не знаю, кто первый назвал этим охотничьим термином выработанный «эмчистами» способ борьбы с тяжелыми немецкими танками, но не от хорошей жизни нам пришлось прибегнуть к нему. Дело в том, что в огневом противоборстве возможности танков сторон были неравными. На «Тигре» стояло 88-мм орудие, на «Пантере» – длинноствольная 75-мм пушка. На «Шерманах» стояло 75-мм орудие с относительно низкой начальной скоростью снаряда, что делало 85-100-миллиметровую лобовую и башенную броню танков противника практически неуязвимой для наших «болванок».

26 января сорок четвертого года началась Корсунь-Шевченковская операция двух Украинских фронтов. Недавно созданная 6-я танковая армия, в которую входил и 5-й механизированный корпус, из района севернее Тыновки наносила удар в юго-восточном направлении на Звенигородку. Ей навстречу наступала 5-я гвардейская танковая армия соседнего фронта. Во взаимодействии со стрелковыми соединениями этим танковым армиям предстояло окружить значительные силы неприятеля в Корсунь-Шевченковском выступе.

С утра 27 января 233-я танковая бригада – костяк передового отряда корпуса – получила задачу: не ввязываясь в затяжные бои за отдельные опорные пункты противника, прорваться в Звенигородку, где и замкнуть кольцо окружения. К этому времени я занимал должность начальника артиллерийского обеспечения первого батальона.

В середине дня первый танковый батальон бригады с десантом на броне вышел на подступы к крупному и важному в оперативно-тактическом отношении населенному пункту Лысянка. Противник, понимая ключевое значение этого опорного пункта, сосредоточил для его удержания батальон пехоты, усиленный пятью танками «Тигр».

Районный центр Лысянка расположен в низине, обрамленной холмами. Именно на них укрепились немцы, прикрыв многослойным огнем дорогу и примыкающие к ней возвышенности. Балкам и оврагам обороняющийся внимания почти не уделил, считая, что раскисшее от ненастья дно и склоны непригодны для действий танков.

Для того чтобы овладеть Лысянкой, прежде всего надо было выбить танки противника, а с пехотой разделаться будет значительно легче. Выполнение этой задачи пришлось вести практически под проливным дождем.

Командир батальона капитан Николай Маслюков принял решение создать отвлекающую группу из двух танковых взводов, которые должны были атаковать противника вдоль шоссе, а ударной группе, взводу младшего лейтенанта Михаила Приходько, приказал, двигаясь по склону одной из обширных балок, выйти во фланг «Тигров». В этот замысел вложена модель «охоты с борзыми»: с фронта собаки дразнят волка, а с боков заходят несколько псов, чтобы напасть...

Для достижения внезапности в этой атаке командир приказал соблюдать радиомолчание. Работали радиостанции только командира батальона и двух взводов, наступающих вдоль дороги.

Внимательно всматриваясь в окружающую местность, Приходько не замечал ничего, кроме мокрого кустарника да изредка мелькавших невысоких деревьев. «Эмча» его взвода «кralись» на низких оборотах двигателей, избегая движения по одной колее, чтобы не засестъ в раскисшем черноземе. Встречный ветер швырял в лицо крупные капли дождя, относя шум работающих моторов за корму, что, конечно, способствовало скрытности действий. Сегодня погода была явно на нашей стороне. Позади остались сотни метров трудного пути, когда командир взвода заметил впереди бугорок – над землей возвышалась натянутая небольшая плащ-палатка. Она шевельнулась. Из-под брезента вылез немецкий солдат и устоялся на головной танк, явно не понимая, чей он: свой или чужой. Механик-водитель, не мешкая, бросил «Шер-

ман» на вражескую позицию и вмял солдата и его накрытый брезентом пулемет в землю, бесшумно уничтожив боевое охранение противника. Повезло!.. Однако за пеленой дождя основные силы противника были невидны. Приходько доложил комбату о встрече с охранением неприятеля. И получил команду: «Остановиться!» Отвлекающая группа вдоль дороги начала энергичную «дразнящую» атаку, стараясь полностью приковать внимание обороняющегося к себе и тем самым облегчить выполнение задачи экипажами Приходько. В это время где-то в вышине сильный порыв ветра разметал тяжелую пелену облаков, дождь на какое-то время прекратился. В прицел Приходько увидел перед собой в семистах метрах две немецкие машины, орудия которых «сторожили» дорогу, готовые в любую секунду встретить убийственным огнем наши атакующие с фронта танки. Два «Шермана» его взвода стояли уступом и могли, не мешая друг другу, без промедления открыть огонь. Пушки уже давно заряжены бронебойными снарядами. «Твой „Тигр“ – правый, мой – левый. Огонь!» – скомандовал Михаил.

Правый «Тигр» загорелся, а левый «Тигр» только вздрогнул от попадания болванки. Приходько крикнул командиру орудия: «Добивай!» Второй бронебойный снаряд сделал свое дело – танк окутался черным дымом. Немецкие танкисты стали выпрыгивать из машин под пулеметные очереди «Шерманов». Попад под удар с двух сторон, противник, отстреливаясь, стал отходить к югу. Спустя десять минут передовые танки батальона Маслюкова во взаимодействии с десанниками ворвались на вражеские позиции. Внизу раскинулась Лысянка...

Участвуя в отражении попыток противника вырваться из Корсунь-Шевченковского «котла», «эмчисты» применяли и другой способ борьбы с тяжелыми вражескими танками. В каждом взводе на одного атакующего «Тигра» выделялось два «Шермана». Один из них, подпуская немецкий танк на 400–500 метров, бил бронебойным снарядом по гусенице, другой – ловил момент, когда целая гусеница разворачивала «крестатого» бортом, и посылал ему в топливные баки болванку.

«Психическая» атака

У каждого офицера на фронте был свой «звездный» час. Для капитана Николая Маслюкова это был бой за Лысянку, ставший пиком его командирского таланта. Несомненно, и в других боях ярко блеснуло бы дарование комбата, но до смерти ему «оставалось четыре шага». Погибнет Маслюков в 13 часов 28 января сорок четвертого года в Звенигородке. Куда мы так настойчиво пробивались.

...Буйство непогоды продолжалось. Небольшого ее просветления хватило только для овладения важными высотами на подступах к Лысянке. Затем полил еще более сильный дождь, а с наступлением сумерек повалил обильный мокрый снег. Хочешь не хочешь – этот опорный пункт противника придется брать ночью...

В то время как экипажи пополняли «Эмча» боеприпасами, Николай Маслюков собрал командиров рот и командиров танков. Обрисовал сложившуюся ситуацию, предстоящий ночной бой в населенном пункте, выслушал мнения подчиненных. Все склонялись к одному: атаковать Лысянку незамедлительно, ведя огонь с ходу. Капитан, согласившись с мнением офицеров, предложил включить фары и на полную мощность сирены («Эмча» имели небольшие, но довольно мощные фары и сирену, при включении которой даже у знающих ее «голос» танкистов начинали мурашки бегать по спине).

Прошли годы и годы, а картина той необычной атаки со всеми ее подробностями стоит перед глазами... Яркий свет фар выхватывал из темноты дорогу, прилегающие к ней поля, дома, деревья, ослеплял вражескую пехоту и артиллерийскую прислугу. Плыл в ночи мощный рев сирен, бьющий по барабанным перепонкам, тяжелым грузом давящий на мозг... Огонь противника, вначале довольно плотный, начал ослабевать. «Психическая» атака приносила плоды.

Экипажи «Шерманов» с первых минут атаки открыли интенсивный пушечно-пулеметный огонь, а когда упорство противника заметно ослабло, Маслюков строго приказал: «Беречь боеприпасы! Давить гусеницами!»

Каждый командир взвода и танка, немного высунувшись со своего люка, хорошо видел освещенное расположение неприятеля. И по внутреннему переговорному устройству подавал команды механику-водителю, направляя «Эмча» на обнаруженную цель. Автоматчики-десантники перебежали рядом, оберегая «своего» «Шермана» от фаустпатронников... Трещали станины противотанковых пушек. Многотонная масса «американца» легко подминала под себя минометы и пулеметы обороняющегося противника, а влажная мягкая земля без особого сопротивления принимала их обломки в холодные объятия...

Без потерь наш батальон и подоспевший резерв командира бригады – рота автоматчиков – овладели Лысянкой. До города Звенигородки осталось два десятка километров.

Огонь по... своим

Весной сорок четвертого года в труднейших условиях распутицы, когда толщина вязкого слоя черноземного грунта достигала на всех дорогах почти полуметра, шла Уманьско-Батошанская наступательная операция. Части 5-го механизированного корпуса после девятидневного наступления по этой непролазной грязи 15 марта освободили Вапнярку, открыв тем самым возможность стремительного продвижения на юг – к Днестру. Поскольку колесные машины увязли, то в полной мере воспользоваться этой возможностью могли только танки... Во всех бригадах корпуса на «Шермана» и самоходные артиллерийские установки был посажен десант в составе 4–5 автоматчиков во главе с сержантом, а кое-где и с офицером, погружены 2–3 ящика боеприпасов и 1–2 бочки горючего. Такая немалая нагрузка резко снижала маневренность танков и самоходок, но в сложившейся ситуации иного выхода не было, поскольку весь автотранспорт пришлось бросить в районе Вапнярки до подсыхания дорог...

Семнадцать «Шерманов» 45-й механизированной бригады под командованием майора Трошина получили приказ скрытно подойти к городу Могилев-Подольский и отрезать неприятелю пути отхода за реку Днестр.

Танки лейтенанта Евгения Шапкина и младшего лейтенанта Юрия Орехова, находясь в боковом охранении, подходили к городу по длинному оврагу с отлогими склонами, с трудом передвигаясь по раскисшему вязкому грунту. На одном из поворотов лога танк Шапкина застрял. Десантники сразу же спешились и бегом стали выдвигаться, чтобы занять позиции и прикрыть танки с обоих краев оврага. Машина Орехова подошла к попавшему в беду «Шерману» Шапкина, помощники механиков-водителей быстро накинули на крюки буксирные тросы. Юрий, стоя впереди своей «Эмча», руками подавал команды механику-водителю. Буксировка началась. Вдруг десантники, поднявшиеся на левый гребень оврага, закричали: «Немцы!» И тут же открыли автоматный огонь, отходя к своим танкам.

Экипажи мгновенно заняли боевые места. Успели впрыгнуть в башни «Эмча» и прибежавшие танкодесантники левой группы охранения. А вскоре около ста пятидесяти немецких солдат и офицеров подошли к «связанным» танкам на бросок гранаты. Стрелять по ним было уже поздно... Спустя секунды фашисты, словно муравьи, облепили «Шермана». Замазали грязью смотровые щели, залепили черноземом прицельные отверстия в башне, полностью ослепив экипаж. Стучали по люкам, пытались их открыть штыками винтовок. И все горланили: «Рус, капут! Сдавайтесь!»

Правая группа охранения, отстреливаясь, стала отходить к шоссе-дороге. Потеряв двух человек убитыми и трех ранеными, с огромным трудом ей все же удалось достичь магистрали. К счастью, здесь солдаты увидели две приближающиеся боевые машины «Катюш». Их командир, гвардии младший лейтенант Иван Кривцов, выслушав рассказ автоматчиков, не стал мешкать, приняв решение дать залп по противнику, облепившему танки. Ничего другого предпринять было невозможно. Подавляющее превосходство было на стороне неприятеля, а промедление грозило гибелью танкистов. «Катюши» передними колесами быстро спустились в кювет и дали залп прямой наводкой. Яркие огненные стрелы с шипением и свистом устремились в лощину. Через мгновение ослепительное пламя запылало вокруг «Эмча». Когда дым от взрывов ракет рассеялся, танки стояли, на первый взгляд, невредимыми, только корпуса и башни были покрыты густой копотью. По уцелевшим фашистам, разбежавшимся в разные стороны, открыли огонь танкисты. В это время подошли тыловые подразделения 233-й танковой бригады. Солдаты-обеспеченцы в короткой атаке разогнали немцев, захватив около сорока пленных.

...В открывшихся люках освобожденных танков показались «эмчисты». К ним подбежали бойцы. «Как себя чувствуете после такой огненной „купели“?» – спрашивали они напере-

бой. Шапкин только развел руками, потом показал на уши и, помолчав, сказал: «Сто колоколов звонит в голове. Не советую никому из вас попадать под такую обработку. Даже укрывшись броней танка».

Подошел Иван Кривцов. Извинился за... удар по своим. В сложившейся опаснейшей ситуации другого выхода не было. Евгений Шапкин обнял и расцеловал офицера-артиллери-ста. «Спасибо, дружище, за выручку! Немного не по себе от вашей работы, но что поделаешь. На войне всякое бывает».

Исправив повреждения гусениц, выкинув обгоревшие брезенты, «Эмча» ушли на Могилев-Подольский.

Но бывали и другие, трагические, эпизоды, связанные с открытием огня по своим.

Спас-Демьянская операция проводилась с 7 по 20 августа 1943 года с целью уничтожения противника и создания условий для дальнейшего наступления на Рославль. Эта операция являлась частью Смоленской наступательной операции.

7 августа 1943 года силы 10-й гвардейской и 33-й армий перешли в наступление. Однако не смогли с ходу прорвать основную линию обороны немцев. 10 августа силы 10-й армии перешли в наступление в районе города Киров и на второй день продвинулись на десять километров в глубь обороны противника, охватывая немецкую группировку с юга, что заставило немецкое командование 12 августа отвести войска из Спас-Демьянского выступа. На следующий день наши войска освободили Спас-Демьянск.

В этой операции командование предполагало использовать 5-й механизированный корпус в полосе наступления 10-й гвардейской армии, однако 11 августа командующий Западным фронтом генерал-полковник В.Д. Соколовский направил корпус на поддержку 10-й армии с целью развития ее успеха. 12 августа подразделения корпуса, совершив 90-километровый марш, сосредоточились северо-западнее Кирова.

Два события заставляют меня отчетливо помнить день 13 августа 1943 года: крещение огнем (моя первая встреча с противником) и трагедия, развернувшаяся на моих глазах, когда наша противотанковая артиллерия расстреляла свои танки. Второй раз быть свидетелем губительного дружественного огня мне пришлось в январе 1944 года в селе Звенигородка, когда встретились танки 1-го и 2-го Украинских фронтов, замкнувших кольцо окружения вокруг Корсунь-Шевченковской группировки немцев.

Эти трагические эпизоды произошли в силу незнания многими солдатами и офицерами того, что на вооружении наших частей стояли танки иностранного производства (в первом случае английские «Матильды», а во втором – американские «Шермана»). Как в первом, так и во втором случае они были приняты за немецкие, что привело к гибели экипажей.

Раннее утро. Наша 233-я танковая бригада сосредоточилась в смешанном лесу с вечера 12 августа. Первый батальон бригады растянулся по его западной опушке. Моя первая рота находилась на его левом фланге в 200 метрах от проселочной дороги, за которой простиралось гречишное поле.

Линия фронта проходила примерно в двух километрах от нас по реке Болва. Оттуда слышался все нарастающий гул развернувшегося сражения. К сожалению, мы не имели информации о событиях на передовой, однако примерно через час звуки боя стали быстро приближаться. Стали слышны пулеметные и автоматные очереди. По дороге проскочила батарея противотанковых 76-мм пушек и с ходу развернулась, заняв позиции на гречишном поле, левее леса, занятого танками бригады, таким образом перекрыв открытое пространство между двух выступов леса. Артиллеристы быстро замаскировали орудия гречихой, подготовив их к отражению возможной танковой атаки.

Я, молодой зеленый лейтенант, нервничал. Незнание всегда вызывает тревогу. Мы продолжали сидеть в наших «Матильдах», вслушиваясь в звуки проходящего боя и постоянно поглядывая в сторону передовой. Над ней появились немецкие пикировщики и, сделав круг,

пошли в атаку. Серия взрывов бомб разорвала воздух. Зенитки открыли огонь, и один из бомбардировщиков, получив прямое попадание снаряда, рухнул на землю.

Через час я и мои подчиненные увидели примерно в 900 метрах впереди бегущих солдат, которые явно намеревались укрыться в лесу. Некоторые из них были вооружены, большинство же было без оружия. Не надо быть военным гением, чтобы понять, что пехотное соединение, не выдержав немецкой атаки, в панике оставило свои позиции. Впервые я видел подобное зрелище и совершенно не представлял, что делать в такой ситуации. Буквально через несколько минут я получил категорический приказ стрелять по отступающим войскам. Я не мог поверить своим ушам. Как я могу стрелять по своим? Командир батальона подбежал к моему танку и, обматерив меня, еще раз приказал открыть огонь из пулеметов по отступающей пехоте. Ломающимся голосом я приказал: «Первый взвод, открыть огонь поверх голов пехотинцев. Второй взвод, поставить заградительный огонь перед отступающими!»

Принятое решение пришло ко мне неожиданно, хотя, возможно, я и читал о том, что можно создать ситуацию, которая заставит бегущих солдат залечь. Это даст им время прийти в себя, осмотреться и в конце концов понять, что происходит. Несомненно, что после этого командирам не составит труда вернуть их на позиции.

Шесть установленных коаксиально пулеметов «Брен» одновременно открыли огонь. Поток трассирующих пуль просвистел над охваченными паникой солдатами. Он прошел высоко над их головами, постепенно снижаясь, прижимая их к земле. Перед отступающими выросла завеса заградительного огня, хорошо видная по срезанным побегам гречихи и облачкам пыли, поднимаемым пулеметными очередями. Попадание в эту зону означало быструю и неизбежную смерть. Пулеметы продолжали стрелять, и свинцовый поток их пуль не оставлял солдатам другого выбора, как залечь.

Не прошло и нескольких секунд, как солдаты, как и требовалось, залегли. Я приказал прекратить огонь. Наступила тишина, но через пару минут несколько солдат вскочили и опять попытались бежать в нашу сторону. Пулеметы первого взвода несколькими короткими очередями уложили их на землю. Похоже, до пехотинцев дошло, что еще один шаг в сторону тыла будет означать для них смерть, и больше попыток встать и побежать они не делали. Вскоре появились пехотные командиры, которые несколькими короткими командами подняли лежащих на поле солдат и повели их обратно к реке, на занимаемые позиции. Как мы выяснили позднее, на поле остались лежать семь солдат, принявших позорную смерть от нашего пулеметного огня.

Я находился на грани нервного срыва, а моя голова раскалывалась от боли. Врагу не пожелаешь того, что пережил я, волею судьбы и по приказу Сталина выполнив роль заградительного отряда. Прошло уже более шестидесяти лет, а память об этом эпизоде до сих пор болью отзывается в моем сердце.

Пополняя боеприпасами свои танки во второй половине того же дня, мы работали в полной тишине. Слова застряли в горле, не было слышно обычных шуток и смеха.

А вскоре новый удар. Второе потрясение. Что за день выдался? Пришла, с таким опозданием, информация об обстановке на рубеже реки Болва. Оказывается, противник значительными силами нанес контрудар, сбросив наши стрелковые части, недавно форсировавшие водную преграду в реку. Контратакующий не только ликвидировал наш небольшой плацдарм, но и сумел захватить участок на его восточном берегу. Поэтому и побежали наши пехотинцы.

Наше командование привлекло 2-ю механизированную бригаду 5-го мехкорпуса для ликвидации прорыва. К 17 часам бой вспыхнул с новой силой. Штурмовики нанесли по гитлеровцам бомбово-штурмовой удар, артиллерия произвела огневой налет. Мотопехота и танки 2-й мехбригады атаковали вражескую оборону, наступая вдоль реки с севера на юг.

Внезапное появление на этом участке фронта советских танков, стремительность их действий не замедлила сказаться. Противник, поняв нависшую угрозу отсечения его подразделе-

ний, находившихся на восточном берегу, от основных сил, начал отвод живой силы и огневых средств на западный берег, но времени неприятелю не хватило. Только незначительному количеству обороняющихся войск удалось уйти, а основные силы гитлеровцев были разгромлены и пленены...

2-я бригада получила приказ на возвращение в ранее занимаемый район. Ее командир приказал подразделениям следовать самостоятельно в пункты прежней дислокации, не выстраиваясь в общую походную колонну. Вполне целесообразное распоряжение, позволяющее значительно сэкономить время. Тем более что данный маневр совершался на расстояние всего 2–3 километра. Рота старшего лейтенанта Князева при нанесении контратаки находилась на левом фланге боевого порядка танкового полка. Для нее самым коротким являлся путь через гречишное поле, то есть мимо позиции артиллеристов и нашего расположения. Именно этим ближайшим путем и повел комроты своих подчиненных. Три головные «Матильды» показались из-за небольшого бугорка и пошли прямо по полю. Через несколько секунд две машины загорелись, встреченные залпами нашей противотанковой батареи. Три человека из моей роты кинулись к пушкарям. Пока они до них добежали, последние успели произвести второй залп. Третья «Матильда» остановилась с развороченной ходовой частью. Экипажи роты Князева не остались в долгу. Открыв ответный огонь, они уничтожили два орудия вместе с их расчетами. Мы начали пускать зеленые ракеты, служившие сигналом «свои войска». Противотанкисты прекратили стрельбу. Смолкли и танковые пушки. Взаимный огневой обмен дорого обошелся сторонам: 10 погибших, три танка вышли из строя, уничтожены два орудия.

Английский танк «Матильда». Юго-Западный фронт. Апрель 1942 г.

Командир артиллерийской батареи не находил себе места. Какой позор для его подразделения: приняв «Матильды» за вражеские танки, расстреляли своих! То, что расчеты не имели силуэтов появившихся здесь иномарок, явилось огромным упущением вышестоящих штабов.

...28 января сорок четвертого года. В 13 часов в центре Звенигородки состоялась встреча танкистов 1-го и 2-го Украинских фронтов. Цель операции была достигнута – окружение крупной группировки противника в Корсунь-Шевченковском выступе завершилось.

Для нас – «шерманистов» первого батальона 233-й танковой бригады – радость этого большого успеха оказалась омраченной. Погиб комбат капитан Николай Маслюков. Прекрас-

ный опытный офицер, обаятельный человек. А было это так: с северо-запада к городу, пробившись через оборонительные позиции неприятеля, преодолев восьмидесятикилометровое расстояние по размокшим черноземным полям и дорогам, подошли шесть «Шерманов» – остатки первого батальона. Небольшое пехотно-артиллерийское прикрытие большака, ведущего в Звенигородку, было сметено шквальным пушечным огнем. Снарядов не жалели. Обстановка требовала быстрее выхода на конечный рубеж наступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.